

Роменс Джордж Джон

Ум животных

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джордж Джон Р.**
Ум животных / Роменс Джордж Джон – М.: Книга по Требованию, 2024. – 510 с.

ISBN 978-5-519-81178-1

ISBN 978-5-519-81178-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

совершенно одинаковымъ образомъ. Но относительно сознательнаго умственного приспособленія дѣло стоитъ совершенно иначе.

Мы укажемъ только на измѣнчивый и не поддающійся предварительному вычисленію характеръ умственныхъ приспособленій въ отличіе его отъ постояннаго и предвидимаго характера рефлективныхъ приспособленій. Въ сущности, все, что (съ объективной точки зрѣнія) мы можемъ подразумѣвать подъ умственнымъ приспособленіемъ, есть приспособленіе такого рода, которое не было окончательно установлено наслѣдственностью какъ единственно возможное при данныхъ условіяхъ возбужденія. Ибо въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ нѣтъ выбора приспособленій, нѣтъ возможности и отличить, душевная-ли это дѣятельность или рефлективная, по крайней мѣрѣ у животныхъ.

И такъ, только тѣ случаи приспособительной дѣятельности живого организма, въ которыхъ унаслѣдованный механизмъ нервной системы не даетъ данныхъ для догадки, что приспособительное дѣйствіе должно случиться необходимо, — только эти случаи можемъ мы признать объективнымъ доказательствомъ присутствія умственной дѣятельности. Поэтому, критерій мысли, который я предлагаю и котораго буду придерживаться на страницахъ этого тома, будетъ слѣдующій: выучивается-ли организмъ дѣлать новыя приспособленія или видоизмѣнять старыя, соответственно результатамъ своего собственнаго индивидуальнаго опыта? Если да-то фактъ этотъ не можетъ быть приписанъ исключительно одной только рефлективной дѣятельности въ вышеизложенномъ смыслѣ, ибо невозможно, чтобы наслѣдственность могла заранѣе предвидѣть нововведенія или измѣненія въ устройствѣ механизма, какія могутъ понадобиться отдѣльному организму въ теченіи его жизни.

Въ моей слѣдующей книгѣ я буду имѣть случай рассмотреть критерій мысли болѣе тщательно, и тогда покажу, что, какъ сказать я и здѣсь, критерій этотъ не вполне исключаетъ, съ одной стороны, возможность присутствія умственного элемента въ неумственныхъ, повидимому, приспособленіяхъ, и съ другой — возможность присутствія неумственного элемента въ приспособленіяхъ, кажущихся умственными. Тѣмъ не менѣе, этотъ критерій единственно пригодный, и такъ какъ онъ удовлетворяетъ всѣмъ цѣлямъ настоящаго труда, то я счелъ за лучшее отложить болѣе подробный его анализъ до слѣдующей книги. Однако, я предупреждаю, что я всегда буду употреблять этотъ критерій, какъ опредѣляющій лишь высшій предѣлъ неумственной дѣятельности, а одну лишь не низшій предѣлъ умственной дѣятельности, ибо, въро-

ятно, субъективность ¹⁾ могла зародиться задолго до того, какъ мысль животного подвинулась въ своемъ развитіи настолько, что къ ней стало можно примѣнять вышеуказанный критерій. Другими словами, изъ того, что животное съ низкою организаціей ни чему не научается изъ собственнаго индивидуальнаго опыта, мы еще не имѣемъ права заключать, что при выполненіи имъ естественныхъ или унаслѣдованныхъ приспособленій къ соответствующимъ стимуламъ вполне отсутствуетъ сознание или умственный элементъ; можемъ только сказать, что если этотъ элементъ и присутствуетъ, онъ ничѣмъ не обнаруживаетъ этого. Но, съ другой стороны, если животное съ низкою организаціей научается чему-нибудь изъ собственнаго индивидуальнаго опыта, мы уже имѣемъ лучшее доказательство присутствія въ немъ сознательной памяти, приводящей къ намѣренному приспособленію. Слѣдовательно, нашъ критерій можетъ быть приложенъ къ высшему предѣлу не умственной дѣятельности, но не къ низшему предѣлу дѣятельности умственной. Разумѣется, скептику такой критерій можетъ показаться неудовлетворительнымъ, такъ какъ онъ основанъ не на прямомъ знаніи, а на выводѣ. Впрочемъ, здѣсь достаточно будетъ указать, какъ уже было замѣчено выше, что это единственный пригодный критерій; и далѣе, что такого рода скептицизмъ долженъ логически придти къ отрицанію существованія мысли не только у низшихъ, но и у высшихъ животныхъ, и даже у всѣхъ людей, кромѣ самого скептика. Ибо всѣ возраженія, которыя могли бы быть выдвинуты противъ употребленія такого критерія для царства животныхъ, съ одинаковою силой прилагаются и къ доказательности существованія какой-бы то ни было мысли, кромѣ мысли самого возражающаго. Это очевидно потому, что, какъ и уже замѣтилъ выше, единственное доказательство, какое мы можемъ имѣть о существованіи мысли внѣ насъ самихъ это то, которое даютъ намъ объективныя дѣйствія; а такъ какъ наша собственная (субъективно намъ извѣстная) мысль никогда не можетъ уподобиться чужой мысли настолько, чтобы прямымъ чувствованіемъ постичь душевные процессы, сопровождающіе чужія объективныя дѣйствія, то ясно, что человѣка, который желаетъ во что бы то ни стало сомнѣваться въ законности того вывода,—что не только въ его собственномъ организмѣ, но и въ другихъ, объективныя дѣйствія всегда сопровождаются умственными процессами,—убѣдить невозможно. Такъ,

¹⁾ Первые проблески сознательности.

Философія не можетъ дать ни одного убѣдительнаго опроверженія даже самыхъ крайнихъ формъ идеализма ¹⁾; однако общій здравый смыслъ чувствуетъ, что здѣсь заключеніе по аналогіи приводитъ къ истинѣ вѣрнѣе, нежели скептическое требованіе невозможныхъ доказательствъ; такъ что разъ признано объективное существованіе другихъ организмовъ и ихъ дѣйствій,—положеніе, безъ котораго сравнительная психологія, какъ и всѣ другія науки, была бы пустою грезой,—то здравый смыслъ всегда и не колеблясь сдѣлаетъ тотъ выводъ, что дѣйствія другихъ организмовъ,—если они аналогичны тѣмъ дѣйствіямъ нашего собственнаго организма, про которыя мы знаемъ, что они сопровождаются извѣстными умственными состояніями,—сопровождаются и у другихъ подобными же умственными состояніями.

Въ настоящей книгѣ я не задаюсь цѣлью анализировать интеллектуальныя процессы, такъ какъ долженъ буду сдѣлать это съ возможною полнотой въ слѣдующей книгѣ. Тѣмъ не менѣе, о главныхъ отдѣлахъ интеллектуальной дѣятельности я скажу нѣсколько словъ и здѣсь, для того, чтобы точнѣе опредѣлить значенія, въ которыхъ я буду употреблять нѣкоторые, относящіеся къ этимъ отдѣламъ термины, употребленія которыхъ я не могу избѣгнуть.

Здѣсь не зачѣмъ разсматривать термины «ощущеніе, воспріятіе, эмоція и хотѣніе». Я буду употреблять ихъ въ ихъ обыкновенныхъ психологическихъ значеніяхъ; и хотя впоследствии мнѣ придется проанализировать каждое изъ органическихъ или душевныхъ состояній, обозначаемыхъ этими терминами, въ настоящемъ томѣ нѣтъ никакого повода распространяться объ этомъ предметѣ. Однако, я могу указать на одно общее соображеніе, котораго я буду здѣсь держаться. Разъ мы признаемъ, что вышшія указанія на субъективные процессы, наблюдаемые нами у животныхъ, вѣрны, такъ что мы въ правѣ заключать объ опредѣленныхъ субъективныхъ состояніяхъ по опредѣленнымъ тѣлеснымъ дѣйствіямъ, мы должны, ради послѣдовательности, повсюду прикладывать тотъ же критерій.

Если мы видимъ, напримѣръ, рѣзкія проявленія чувства привязанности, симпатіи, ревности или гнѣва у собаки или обезьяны, то немногіе изъ насъ будутъ настолько скептиками, чтобы усомниться въ томъ, что полная аналогія этихъ проявленій съ проявленіями, какія мы видимъ у человѣка, достаточно доказы-

¹⁾ Ученіи, доказывающихъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ моего «я», или что весь міръ есть лишь представленіе моего «я». Ред.

ваетъ существованіе субъективныхъ состояній, аналогичныхъ состояніямъ человѣка, внѣшними и видимыми знаками которыхъ служатъ такія проявленія. Но когда мы находимъ, что дѣйствія муравья или пчелы обнаруживаютъ, повидимому, тѣ же эмоціи, то немногіе изъ насъ окажутся настолько не скептиками, чтобы не спросить себя, можно-ли повѣрить въ этомъ случаѣ внѣшнимъ и видимымъ знакамъ, какъ довазательству аналогичныхъ или соотвѣтственныхъ внутреннихъ состояній. Вся организація такого существа, какъ муравей или пчела, настолько отличается отъ человѣческой организаціи, что является вопросомъ, насколько въ дѣлѣ заключенія о присутствіи субъективныхъ состояній можно положиться на аналогію дѣйствій насѣкомаго съ человѣческими дѣйствіями, въ особенности въ виду того факта, что во многихъ отношеніяхъ, каково, на примѣръ, сильное преобладаніе у животныхъ «инстинкта» надъ «разумомъ», психологія насѣкомаго явно далеко расходится съ психологіей человѣка. А такъ какъ вполне справедливо, безъ сомнѣнія, что чѣмъ меньше сходства, тѣмъ меньше и цѣнность въ аналогіи, построенной на этомъ сходствѣ, то и выводъ о муравьѣ или пчелѣ, чувствующихъ симпатію или гнѣвъ, менѣе законенъ, нежели тотъ же выводъ относительно собаки или обезьяны. Тѣмъ не менѣе, это все-таки выводъ законный, хотя бы только потому, что на самомъ дѣлѣ, это единственный дѣйствительный выводъ. Другими словами, если мы замѣчаемъ, что муравей или пчела, выказываютъ, повидимому, симпатію или гнѣвъ, мы или должны заключить о присутствіи въ нихъ какого-нибудь психологическаго состоянія, сходнаго съ состояніемъ симпатіи или гнѣва, или же совсѣмъ не думать объ этомъ: изъ фактовъ, поддающихся наблюденію, другого вывода нѣтъ. Поэтому, относясь съ полнымъ вниманіемъ къ прогрессивному ослабленію аналогіи между человѣческою и животною психологіями, по мѣрѣ того, какъ мы будемъ спускаться отъ человѣка къ низшимъ животнымъ, и будемъ имѣть въ виду эту аналогію, проходя черезъ весь рядъ представителей животнаго царства, такъ какъ эта аналогія все-таки единственная дѣйствительная.

Можетъ быть, однако, не лишнее будетъ указать на то, что если мы отнесемся съ полнымъ вниманіемъ къ этому прогрессивному ослабленію аналогіи, мы должны будемъ чувствовать все менѣе и менѣе увѣренности въ подлинномъ сходствѣ сравниваемыхъ субъективныхъ состояній, такъ что, когда мы спустимся до такихъ животныхъ, какъ насѣкомыя, то, мнѣ кажется, са-

мое большое, что мы будемъ имѣть право утверждать съ увѣренностью, это то, что извѣстные факты человѣческой психологіи представляютъ намъ наиболѣе важныя сочетанія вѣроятныхъ фактовъ психологіи насѣкомыхъ. Субъективныя состоянія насѣкомаго могутъ значительно отличаться отъ субъективныхъ состояній человѣка, и все-таки всего вѣроятнѣе, что ближайшимъ представленіемъ, какое мы можемъ составить объ ихъ истинномъ характерѣ, будетъ то, которое мы составляемъ, уподобляя ихъ образцу единственно извѣстныхъ намъ внутреннихъ состояній. Нѣтъ надобности указывать на то, что это соображеніе имѣетъ особенную силу для эволюціонистовъ, тѣмъ болѣе, что по ихъ теоріи должна быть не только фізіологическая, но и психологическая непрерывность, распространяющаяся какъ въ длину, такъ и въ ширину области животнаго царства.

Въ этихъ предварительныхъ замѣчаніяхъ одинъ только пунктъ требуетъ краткаго разсмотрѣнія, пунктъ, касающійся различія между тѣмъ, что въ популярной фразеологіи называется «инстинктомъ», и тѣмъ, что называется «разумомъ». Я не буду входить здѣсь въ подробный разборъ этого несомнѣнно законнаго различія, но ограничусь объясненіемъ того смысла, въ которомъ я неизмѣнно буду употреблять эти термины.

Немногія слова въ нашемъ языкѣ употреблялись въ болѣе разнообразныхъ смыслахъ, чѣмъ слово «инстинктъ». Въ популярной фразеологіи, унаслѣдованной нами отъ среднихъ вѣковъ, всѣ способности животнаго называются инстинктивными въ противоположность душевнымъ способностямъ человѣка, которыя называются разумными. Но если мы не хотимъ обречь себя на явное верченіе въ заколдованномъ кругѣ, мы не позволимъ себѣ сперва предположить, что всѣ дѣйствія животнаго инстинктивны, а затѣмъ уже дѣлать выводы, что такъ какъ, молъ, они инстинктивны, то и отличаются отъ разумныхъ человѣческихъ дѣйствій. Вопросъ заключается, въ сущности, въ томъ, что же именно мы предположимъ у нихъ; но прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны разсмотрѣть, какими существенными чертами инстинктъ отличается отъ разума.

Аддисонъ говоритъ:

«Я смотрю на инстинктъ такъ же, какъ на начало тяготѣнія въ физическихъ тѣлахъ, начало, которое не можетъ быть объяснено никакими извѣстными свойствами, присущими самымъ тѣламъ, и никакими законами механизма, а можетъ объясняться

только, какъ непосредственное дѣйствіе перваго двигателя и какъ Божественная энергія, проявляющая себя въ твореніи».

Смотрѣть на инстинктъ такимъ способомъ—значить просто на просто изъять предметъ изъ сферы изслѣдованія и отказаться, такимъ образомъ, отъ всякой попытки къ опредѣленію.

Можно бы привести множество другихъ мнѣній, принадлежащихъ извѣстнымъ авторамъ, которые смотрѣли на инстинктъ съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія; но такъ какъ эта книга не историческій трудъ, то я прямо перейду къ той точкѣ зрѣнія, съ какой смотритъ на инстинктъ наука, или, по крайней мѣрѣ, съ какой онъ будетъ постоянно разсматриваться въ этой книгѣ.

Не касаясь происхожденія инстинктовъ, а слѣдовательно, и теоріи эволюціи, мы рассмотримъ наиболее выдающіеся и отличительныя черты инстинкта въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ. Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что инстинктъ требуетъ сознанія тѣхъ процессовъ; это самый важный пунктъ, такъ какъ онъ есть единственный, по которому можно отличать инстинктивные дѣйствія отъ рефлективныхъ. Рефлективное дѣйствіе, какъ было объяснено выше, есть не-психическое, нервно-мышечное приспособленіе къ соответствующимъ стимуламъ; инстинктивное же дѣйствіе содержитъ въ себѣ и это, и еще нѣчто большее: оно заключаетъ въ себѣ сознательный элементъ. Таково, по крайней мѣрѣ, инстинктивное дѣйствіе въ томъ смыслѣ, какой я буду всегда подразумѣвать подъ нимъ. Конечно, я знаю, что налагаемое мною ограниченіе игнорируется или не признается многими писателями даже изъ психологовъ; но я убѣжденъ, что если мы желаемъ хотя нѣсколько приблизиться къ опредѣленности въ употребляемыхъ нами терминахъ—уже не говоря о ясности въ идеяхъ, касающихся предметовъ, о которыхъ мы говоримъ—то въ высшей степени желательно ограничить значеніе слова «инстинктъ» областью сознательной дѣятельности, какъ противоположаемой дѣятельности не-сознательной. Безъ сомнѣнія, часто бываетъ трудно или даже невозможно рѣшить, обусловливается ли не обусловливается данное дѣйствіе присутствіемъ психическаго элемента, т.-е. сознательнаго приспособленія, какъ противоположаемаго безсознательному; но это совершенно отдѣльный вопросъ, не имѣющій ничего общаго съ вопросомъ о томъ, чтобы опредѣлять инстинктъ тѣмъ способомъ, по которому изъ опредѣленія инстинкта формально исключается, съ одной стороны, рефлективная дѣятельность, а съ другой—разумъ. Какъ справедливо замѣ-

чаетъ Вирховъ, «трудно или невозможно провести границу между инстинктивными и рефлективными дѣйствіями»; но трудность эта можетъ быть по меньшей мѣрѣ ограничена, т.-е. останется труднымъ только рѣшеніе вопроса въ отдѣльныхъ случаяхъ, относятся-ли такое-то дѣйствіе къ инстинкту или рефлексу, но зачѣмъ же создавать еще добавочную трудность, возникающую изъ двусмысленности самыхъ опредѣленій! Поэтому, я стараюсь, какъ можно рѣзче провести теоретическую границу между инстинктивными и рефлективными дѣйствіями, и граница эта, какъ я уже сказалъ, опредѣляется гранью между не-разумнымъ или безсознательнымъ приспособленіемъ и приспособленіемъ, въ которомъ заключается элементъ сознанія или мысли.

Выяснивъ, такимъ образомъ, надѣюсь, что трудность проведенія границы между рефлективными и инстинктивными дѣйствіями, какъ классами—одно, а трудность отнесенія отдѣльныхъ дѣйствій къ той или другой изъ этихъ категорій—другое, мы замѣчаемъ, что первая трудность устраняется установленнымъ мною различіемъ, а вторая возникаетъ лишь изъ того факта, что съ объективной стороны невозможно установить различія между рефлективнымъ и инстинктивнымъ дѣйствіемъ. Первая трудность предупреждается тѣмъ различіемъ, которое я провелъ, просто потому, что самое это различіе опредѣленно. Но разъ вопросъ идетъ объ отдѣльныхъ случаяхъ приспособительныхъ дѣйствій, то мы не всегда будемъ въ состояніи сказать, присутствуетъ или отсутствуетъ въ нихъ сознаніе выполненія этихъ дѣйствій; однако, какъ я уже сказалъ, это не уменьшаетъ силы нашего опредѣленія; все, что можно сказать о такихъ случаяхъ, это то, что если данное дѣйствіе сопровождается сознаніемъ, оно инстинктивно, если-же нѣтъ, то оно рефлективно.

Трудность же отнесенія отдѣльныхъ дѣйствій къ той или другой изъ этихъ двухъ категорій возникаетъ, какъ я уже сказалъ, только изъ того, что различіе между рефлексомъ и инстинктомъ нельзя привести со стороны объективной, т.-е. имѣя въ виду только нервную систему. Самъ по себѣ нервный процессъ будетъ одинъ и тотъ же сопровождается-ли онъ сознаніемъ, или не сопровождается. Наступленіе и развитіе сознанія не видно снаружи; оно, вѣдь, имѣетъ мѣсто только во внутреннемъ чувствѣ, т.-е. въ субъектѣ, хотя оно и превращаетъ постепенно рефлективные дѣйствія въ инстинктивные, а инстинктивные въ разумныя; дѣйствующие при этомъ нервные процессы остаются по своему характеру все тѣ же и отличаются одни отъ другихъ

только относительно сложностью. А такъ какъ разсвѣтъ сознанія или возникновеніе разумаго элемента представляется постепеннымъ и неопредѣленнымъ, то, слѣдовательно, неизбежно, что, такъ сказать, при разсвѣтѣ сознанія различіе между разумнымъ и неразумнымъ еще смутно, и въ общемъ это различіе невозможно опредѣлить. Изъ всего этого слѣдуетъ, что, такъ какъ по мѣрѣ постепенно возрастающей объективной сложности возникаетъ и разумная жизнь, то многіе отдѣльные случаи, занимающіе неопредѣленную границу между рефлексивными и инстинктивными дѣйствіями, не могутъ быть съ увѣренностью отнесены ни къ той, ни къ другой области.

И такъ, мы видимъ единственную черту, по которой инстинктивное дѣйствіе можно съ полнымъ основаніемъ отличить отъ рефлексивнаго, а именно, ту, что составною частью инстинктивнаго дѣйствія является субъективный элементъ. Затѣмъ, мы должны рассмотреть, чѣмъ инстинктъ отличается отъ разума. Для этого намъ лучше всего начать съ изслѣдованія того, что мы подразумеваемъ подъ словомъ «разумъ».

Терминъ «разумъ» употребляется въ столь же почти разнообразныхъ смыслахъ, какъ и терминъ «инстинктъ». Иногда подъ нимъ подразумеваются всѣ отличительныя человѣческія способности, взятая вмѣстѣ и противупологаемая способностямъ животнаго; иногда же онъ берется для обозначенія 'отличительно человѣческихъ интеллектуальныхъ способностей.

Докторъ Джонсонъ опредѣляетъ разумъ, какъ «способность, съ помощью которой человѣкъ выводитъ одно предложеніе изъ другого и совершаетъ умозаключеніе изъ посылокъ». Это опредѣленіе предполагаетъ рѣчь и, слѣдовательно, игнорируетъ всѣ случаи выводовъ, не облеченныхъ въ опредѣленную форму мысли, выраженной словами. Но даже и у человѣка большинство выводовъ никогда не является въ видѣ выраженныхъ словами предложеній; такъ что, хотя, какъ мы будемъ имѣть случай замѣтить въ слѣдующей моей книгѣ, въ отождествленіи разума съ рѣчью, какимъ оно является въ терминѣ «logos», заключается глубокая философін, однако же, если мы имѣемъ въ виду тщательное опредѣленіе, то отождествлять, такимъ образомъ, интеллектъ съ языкомъ будетъ явною ошибкой.

Болѣе правильно слово «разумъ» примѣняется для обозначенія способности воспринимать сходства или отношенія (ratios), а въ этомъ смыслѣ оно равносильно термину «умозаключеніе» (ratiocination) или способность дѣлать выводы изъ воспринятой равноцѣн-

ности отношеній. Таково единственное, строго законное примѣненіе этого слова, и въ этомъ смыслѣ я буду неизмѣнно употреблять его въ настоящемъ трактатѣ. Впрочемъ, эта способность вѣдѣшивать отношенія, выводить заключенія и, слѣдовательно, предвидѣть вѣроятности—допускаетъ безчисленные градаціи; и такъ какъ употребленное для обозначенія низшихъ ея проявленій, слово «разумъ» звучитъ нѣсколько странно, то въ этихъ случаяхъ я буду часто замѣнять его словомъ «умъ» (intelligence). Когда мы видимъ, напримѣръ, что устрица пользуется индивидуальнымъ опытомъ или оказывается способною воспринимать новыя отношенія и дѣйствовать согласно съ результатомъ своихъ воспріятій, то, я думаю, будетъ звучать не такъ странно, если я скажу, что устрица проявляетъ умъ, чѣмъ если я скажу, что она проявляетъ разумъ. На этомъ основаніи я буду примѣнять первый терминъ для обозначенія низшихъ степеней способности умозаключенія; такимъ образомъ, въ моемъ примѣненіи слово «умъ» будетъ противуполагаться такимъ терминамъ, какъ инстинктъ, рефлексивное дѣйствіе и т. п., такъ же точно, какъ имъ противуполагается и терминъ «разумъ». Я желалъ бы, чтобы, ради ясности, читатель удерживалъ въ памяти этотъ пунктъ. Говоря объ умѣ и интеллектѣ, я буду всегда противуполагать ихъ инстинкту, эмоціи и т. п. ибо понятіе о первыхъ, согласно моему опредѣленію и по самому своему характеру, предполагаетъ уже такія душевныя способности, какъ тѣ, которыя мы въ самихъ себѣ называемъ разумными.

Далѣе, необходимо замѣтить, что между инстинктомъ и разумомъ нельзя провести точной границы, инстинктъ переходитъ въ разумъ неуловимыми оттѣнками, или, какъ выражается Поппъ, эти два принципа «вѣчно далеки и вѣчно близки». Исходя изъ законовъ эволюціи, мы и не можемъ ожидать ничего другого, какъ я буду имѣть много случаевъ показать впоследствии. Здѣсь же задача наша состоитъ лишь въ томъ, чтобы провести возможную границу между инстинктомъ и разумомъ, какъ эти способности представляются нашему наблюденію въ настоящемъ. И въ общихъ чертахъ это сдѣлать не трудно.

Мы видимъ, что инстинктъ заключаетъ въ себѣ «сознательный процессъ» и что этою своею чертой онъ отличается отъ рефлекса; теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть тѣ черты, которыя отличаютъ инстинктъ отъ разума. Эти черты съ точностью, хотя неполно приводитъ сэръ Веніаминъ Броди, который опредѣляетъ инстинктъ, какъ «начало, по внушенію котораго животныя, не-

зависимо отъ опыта и разсужденія, выполняютъ извѣстныя произвольныя дѣйствія, необходимыя или для предохраненія ихъ, какъ индивидовъ, или для продолженія рода, или же полезныя имъ въ какомъ-нибудь другомъ смыслѣ». Это опредѣленіе, во-первыхъ, не заключаетъ въ себѣ достаточно общаго и яснаго утвержденія того, что всѣ инстинктивныя дѣйствія приспособительны, во-вторыхъ, не выясняетъ различія между инстинктомъ и разумомъ. Это различіе мы находимъ въ опредѣленіи Гартмана, который въ своей «Философіи безсознательнаго» говоритъ, что «инстинктивное дѣйствіе есть дѣйствіе, предпринимаемое для преслѣдованія цѣли, но безъ сознательнаго пониманія, въ чемъ состоитъ эта цѣль». Однако, и это опредѣленіе грѣшитъ тѣмъ, что опускаетъ другую важную отличительную черту инстинкта, а именно, единообразіе инстинктивныхъ дѣйствій у разныхъ индивидовъ одного и того же вида¹⁾. Присовокупивъ и эту черту, мы получимъ, слѣдовательно, болѣе точное и полное опредѣленіе инстинкта, какъ такого психическаго дѣйствія, которое (у животныхъ или у людей—безразлично) направлено къ выполнению приспособительныхъ движеній, предшествуетъ индивидуальному опыту, не нуждается въ знаніи связи между употребляемыми средствами и достигаемыми цѣлями, но выполняется одинаково при тѣхъ же соответственныхъ условіяхъ всеми индивидами того же вида. Во всѣхъ этихъ пунктахъ инстинктъ отличается отъ разума за исключеніемъ того, что въ инстинктѣ содержится какъ и въ разумѣ, сознательный элементъ, и что тамъ и здѣсь дѣло идетъ о приспособительныхъ дѣйствіяхъ. Ибо разумъ, кромѣ того, что онъ обуславливается сознательнымъ элементомъ и проявляется въ приспособительныхъ дѣйствіяхъ, всегда слѣдуетъ за индивидуальнымъ опытомъ, дѣйствуетъ только на основаніи опредѣленнаго и часто съ трудомъ добытаго знанія связи между средствами и цѣлями и проявляется далеко не всегда одинаково при тѣхъ же соответственныхъ условіяхъ у индивидовъ того же рода.

И такъ, различіе между инстинктомъ и разумомъ какъ опредѣленіе, такъ и сложіе различія между инстинктомъ и рефлексомъ. Тѣмъ не менѣе, классифицировать дѣйствія, какъ инстинктивными или разумными, въ отдѣльныхъ случаяхъ такъ же трудно, какъ и тогда, когда дѣло идетъ объ инстинктивныхъ и рефлективныхъ дѣйствіяхъ. Объясняется это тѣмъ, что, какъ было

¹⁾ Здѣсь слово «видъ» употреблено въ смыслъ біологическомъ (species).